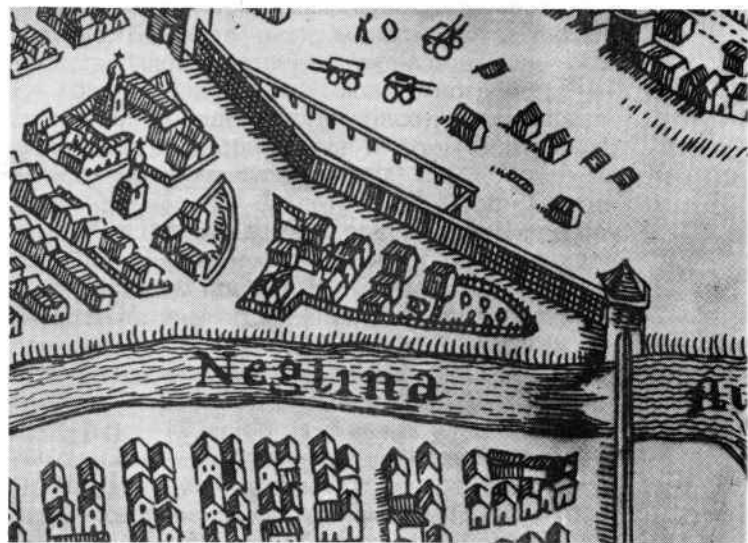

АНСАМБЛИ МОНАСТЫРЕЙ В СТРУКТУРЕ ДРЕВНЕЙ МОСКВЫ

Монастыри на Руси были неотъемлемой и обязательной частью любого более или менее крупного города. Их широкое распространение объяснялось важностью и многообразием исполняемых ими функций, при том что главной задачей монашеских обителей на всем протяжении их существования была демонстрация истинно христианского образа жизни в самом идеальном его воплощении. На земле, в "дольнем мире", этот идеал был достижим только в монастыре, ибо лишь монах мог посвятить все свое время тому, ради чего, по христианским понятиям, и было создано человечество — восхвалению Бога.

Разумеется, монахи имели такую возможность благодаря тому, что общество брало часть "житейских" забот на свою долю: благотворители жертвовали монастырям средства для построения храмов и земельные угодья, крестьяне обеспечивали иноков продуктами сельского хозяйства, а ремесленники — изделиями своего ремесла. Однако все это делалось именно для того, чтобы обитатели монастырей могли без помех исполнять свою главную функцию: возносить хвалу Богу, молиться за единоверцев и насаждать нормы праведной жизни. Исследователь Кирилло-Белозерского монастыря Н.К.Никольский подметил, что "образ частной, так сказать, домашней жизни иноков повторялся и в порядках жизни представителей высшего московского общества. В Домострое есть много правил, извлеченных, очевидно, из монашеских "старчества". Но образ царской жизни (например Ивана IV, Федора Ивановича) был еще ближе к порядкам московских монастырей"¹.

Монастырь символически был как бы небом, явленным на земле (недаром иночество иносказательно называлось "ангельским чином"). Миряне стремились закончить жизнь постригшись или хотя бы удостоившись места на монастырском кладбище. Существовало даже представление, что погребенным в монастырской земле про-

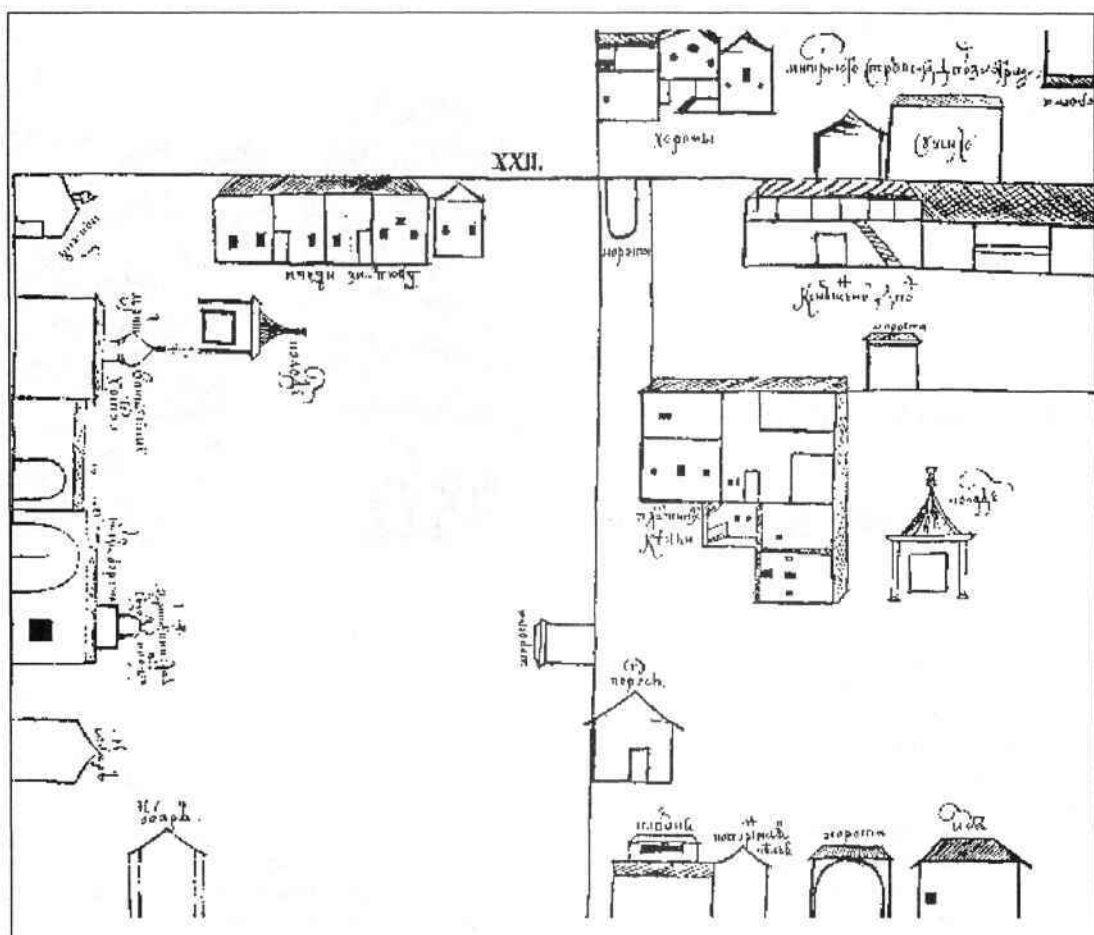
щаются грехи: по словам псковского епископа Геннадия, "аще кто и велик грех имать, а сподобится быти положен во обители Пресвятой Богородицы (имеется в виду Псково-Печерский монастырь. — И.Б.-Д.), не токмо смрада избудет, но и грехов прощение получит"². Вследствие этого, несмотря на запрещение Студийского устава хоронить в монастырях, на Руси монастырские кладбища для мирян были официально санкционированы Стоглавом³.

С идеологическими функциями монастыря была тесно связана его роль как культурного центра: в монастыре обучали грамоте, при монастырях существовали школы и училища (например, училище Федора Ртищева при Андреевском монастыре или Славяно-греко-латинская академия, наследовавшая этому училищу, при Заиконоспасском монастыре в Москве). В монастырях переписывали книги и сочиняли новые творения церковной литературы, писали иконы, создавали произведения декоративно-прикладного искусства. Монастыри же служили и надежным хранилищем этих сокровищ.

В социальном плане роль монастырей не ограничивалась тем, что их обитатели своеобразно участвовали в общественном разделении труда, внося в качестве вклада свои молитвы. Монастырские обители выполняли еще и функцию общественного призрения, содержа на свои средства стариков, больных и увечных. Нередко при монастыре находилась богадельня; иногда монастырь и возникал при богадельне (как московские Никитский и Моисеевский монастыри).

Существовали обители и при убогих домах, то есть при местах, куда свозили трупы безродных и умерших на улице, или же тела погибших "дурной смертью" — убитых во время разбоя, казненных, перепившихся или объевшихся, утопленников и самоубийц. Погребение их совершалось дважды в год, в Семик и на Покров, вследствие поверья, что похороны умерших без исповеди вызывают заморозки, пагубные для посевов ("стужи плодотворительные земных прозябений"⁴). Поминать похороненных на убогих домах разрешалось также только в эти дни. В Москве

Высокопетровский монастырь. Фрагмент плана Москвы из атласа Мериана. 1643

План Воскресенского Высокого монастыря на Тверской ул. XVII в.

XVI-XVII вв. эту миссию исполняли монахи четырех обителей (см. ниже). Монастыри же исполняли функции исправительных заведений: в монастырских тюрьмах содержались нарушители закона (по большей части духовного звания), в обители присылали "на исправление" высокородных юношей, повинных в пьянстве и разгульной жизни. Московский Ивановский монастырь, например, приобрел особую известность в XVIII в. как место заточения знаменитой Салтычихи.

Большие монастыри вносили немалый вклад в развитие экономики страны. Они владели землями и крестьянами, являясь крупными феодальными собственниками со всеми вытекающими отсюда преимуществами над мелким крестьянским хозяйством. Монастырь имел разветвленную и хорошо продуманную хозяйственную организацию — систему ответственных лиц и исполнителей, деятельность которых контролировалась и координировалась игуменом или келарем (экономом). В монастыре эта система была особенно эффективна благодаря ее идейной подоснове: обязанности братии — послушания — в идеале исполнялись не во имя приобретения материальных благ, а для достижения вечного блаженства. Не случайно и в житиях святых восхвалялись разного рода "черные" работы.

Заметную роль играли монастыри в развитии торговли. Крупное монастырское хозяйство было товарным; в небольших же городских монасты-

рях часть помещений сдавалась под торговые склады и даже лавки (в XVII в.). Обитатели монастырей нередко занимались разными промыслами, в числе которых нередко было иконописание (в мужских обителях) и шитье (в женских). Школа вышивальщиц московского Ивановского монастыря в XIX в. приобрела такую известность, что насельникам обители поручили расшить коронационное платье супруги Николая II⁵.

Нельзя не упомянуть и о значении монастырей в политической жизни страны в период средневековья. В процессе объединения русских земель московские великие князья пользовались поддержкой игуменов Троице-Сергиева, Кирилло-Белозерского, Иосифо-Волоколамского монастырей. В свою очередь, светская власть всячески поддерживала такие монастыри, рассматривая их как оплот своей политики.

Важнейшей функцией древнерусского монастыря была функция обороны. Вокруг больших городов, на главных дорогах, ставились укрепленные монастыри-сторожи: они затрудняли передвижение неприятеля и отвлекали на себя его силы. Серьезное фортификационное значение, конечно, имели только крупные монастыри с каменными стенами. Однако и сравнительно небольшие обители городов и пригородов представляли собой рубеж обороны и убежище для жителей прилегающих слобод или селений. В 1611 г., например, Прокопий Ляпунов обстреливал засевших в Кремле поляков из пушек, стоявших "у Петра чудотворца" в Высокопетровском монастыре⁶.

Утилитарные потребности обороны обосновывались и с религиозной точки зрения: захватчики по большей части были иноверцами, и монастырь противостоял им не только как военная крепость, но и как оплот веры, твердыня православия. Защитникам монастыря помогали небесные силы, являлись святые, а вылазки и военные операции нередко приурочивались к дням особо чтимых праздников или святых. Строго говоря, монастырь в первую очередь рассматривался именно как цитадель правой веры, а уже к этому качеству присовокуплялась практически функция обороны.

Городской монастырь представлял собой особый организм в градостроительной и социальной структуре города. При этом взаимоотношения города и монастыря далеко не всегда складывались идиллически. При возникновении монастыря среди уже существующей застройки его территориальный рост ограничивался с самого начала, почему активно развивающиеся монастыри разными способами стремились перераспределить городские земли в свою пользу. Участки покупали, получали в виде вкладов, а иногда и захватывали самовольно⁷. Малоземелье мешало нормальной жизни обители. Так, архимандрит Саввино-Сторожевского монастыря жаловался, что в приписной к Саввину московский Воскресенский Высокий монастырь приезжают "крестьяне со всякими запасами, ставитца де им в Воскресенском монастыре нельзя, а... огорода у них нет: по вся годы капусту и огурцы покупают"⁸. В Златоустовском монастыре в конце XVII в.: хотя и были "на пропитание братии, на овощ огородцы", зато не хватало места для кладбища, которое было обязательной принадлежностью городского монастыря. И тем не менее русский город не мыслился без иноческих обителей и их насельников: "не точию отшельници и в внутренних пустынях жившии в уединении..., но иже и в градах сущих, ... якожи светила просияша в дарованиях духовных"⁹.

Первые московские монастыри были основаны в XIII в. Вначале, как принято считать, близ Ордынской дороги возник княжеский Данилов монастырь, храм которого был освящен во имя преп. Даниила Столпника, тезоименитого князю Даниилу Александровичу¹⁰. Не исключено, что тот же князь заложил Богоявленский монастырь, тогда тоже, очевидно, находившийся "на пустом месте"¹¹, близ дороги во Владимир. Некоторые исследователи относят к XIII в. и появление Саввина монастыря к юго-западу от города, а также Спасского монастыря в Кремле, хотя для этого нет достаточных документальных оснований¹².

В XIV в. в источниках упоминается 14 московских монастырей; в действительности их было, вероятно, несколько больше. Почти такое же количество приходится на XV в., а в следующих столетиях монастырское строительство сокращается (приблизительно 10 монастырей в XVI в. и 8 в XVII в.). Во всяком случае, 14 обителей — это весьма значительное число для такого города, каким являлась Москва в XIV в. Обилие монастырей объясняется, вероятно, не только особенностями духовной жизни того времени (распространение исихазма) и не только относительной стабилизацией экономики после татарского нашествия,

но и претензиями Москвы на политическое первенство. Большое число монастырей и храмов представлялось достоинством, повышающим статус города: недаром в "Слове о погибели Русской земли" среди "многих красот" Руси назывались "винограды обителные" и "домы церковные", то есть монастыри и церкви¹³.

Монастыри XIV столетия, как неоднократно отмечалось в литературе, располагались по определенной закономерности — в центре города и по границам посада. В Кремле к началу XV в. были заложены по крайней мере четыре кремлевских монастыря — Спасский на Бору, Чудов, Вознесенский и Афанасьевский (последний затем стал подворьем Кирилло-Белозерского монастыря). На одной из главных улиц посада — Никольской — встал монастырь Николы Старого. По полукольцу в удалении от центра расположились Алексеевский-Зачатьевский монастырь (около 1360), Никольский Хлыновский (упом. 1390), Высокопетровский (упом. 1379), Рождественский (1386) и Сретенский (1395; монастыри перечислены по направлению с юго-запада на северо-восток).

Примечательно, что полукольцо обрывается на Сретенском монастыре, а далее, в районе будущих Покровских ворот Белого города и южнее, монастырей нет. Это может служить косвенным подтверждением гипотезы П.В.Сытина о существовании в кон. XIV в. земляного вала со рвом от р.Москвы до Неглинной, а от нее до Сретенских ворот, в то время как от Сретенских ворот до Москвы-реки ров и вал еще не проложили¹⁴. Перечисленные обители в таком случае находились под защитой городских укреплений, а открытый участок остался без "своей" обители. Еще дальше от центра встали Андроников монастырь (около 1360) и старый и новый Симоновы (1370; 1379) на Коломенской дороге.

Территориальный рост Москвы в XV в. вызвал появление новых монастырей. Однако, в отличие от обителей предшествующего столетия, они в основном сели ближе к центру города: произошло как бы освоение территории, ранее только обозначенной вехами монастырей на своих границах. Опять-таки в отличие от XIV в., монастыри XV в. образовали не полукольцо, а замкнутый круг. В Замоскворечье встали Козьмодемьянский монастырь в Старых Кузнецях (упом. 1498) и Никольский монастырь в Голувиной слободе. На другом берегу Москвы-реки кольцо продолжили Крестовоздвиженский монастырь на Острове (сер. XV в.), Георгиевский на Дмитровке (кон. XV в.), как бы дублированный Воскресенским монастырем на Тверской (упом. 1479), Златоустовский монастырь (упом. 1412), монастырь Покрова в Садах (упом. 1479) и монастырь Спаса в Чигахах (1483); несколько в стороне расположился Покровский монастырь на Лыщиковой горе. В линию полукольца XIV в. встроился Федоровский монастырь у Никитских ворот; окраинные монастыри пополнились Новинским на загородном митрополичьем дворе (между 1410-1431) и Новоспасским (1491).

В XVI в. получил определенность юго-западный конец полукольца монастырей XIV столетия: Алексеевский-Зачатьевский монастырь, выходящий за пределы современного бульварного коль-

Основание Новодевичьего монастыря. Миниатюра

ца, был перенесен после пожара 1547 г. к Пречистенским воротам. Прочие монастыри расположились в городской ткани сравнительно равномерно. На Ильинке в 1519 г. в Ильинском монастыре была построена каменная церковь (хотя возможно, что монастырь здесь возник раньше); на Кисловке под 1559 г. упомянут Ризположенский монастырь, в первой половине столетия был основан Никитский монастырь, на Тверской близ Охотного ряда при богадельнях учредили Моисеевский монастырь, между Рождественкой и Сретенкой появился Варсонофиевский монастырь, а недалеко от Старых Садов существовал Ивановский монастырь под Бором, или на Кулишках. За пределы Белого города с севера вышел Николаевский монастырь на Драчах (упом. 1547), а далеко на южных подступах к столице заложили Новодевичий (1525) и Донской (1591) монастыри.

Шестнадцатый век дополнил сложившуюся картину Страстным монастырем у Тверских ворот, вошедшим, хотя и с внешней стороны укрепления, в полукольцо монастырей Белого города; в Земляном городе упоминается Воздвиженский монастырь на Убогих домех (за Петровскими воротами) и Покровский Убожedomский монастырь у Коломенской заставы. Еще одна крупная улица Китай-города — Варварка — получила свой монастырь — Знаменский, основанный на месте старого двора бояр Романовых. Часть старого Никольского монастыря была отведена под новый монастырь — Заиконоспасский; рядом с Богоявленским монастырем между торговых рядов и лавок стоял Троицкий монастырь в Торжку, а на Никольском крестце в 1626 г. упоминается Мироносицкий монастырь¹⁵. Таким образом, на сравнительно короткой Никольской улице расположились сразу пять монастырей — явление

для Москвы, да и вообще для русских городов уникальное. Пригородные обители пополнились Андреевским монастырем в Пленницах (1648), на берегу Москвы-реки.

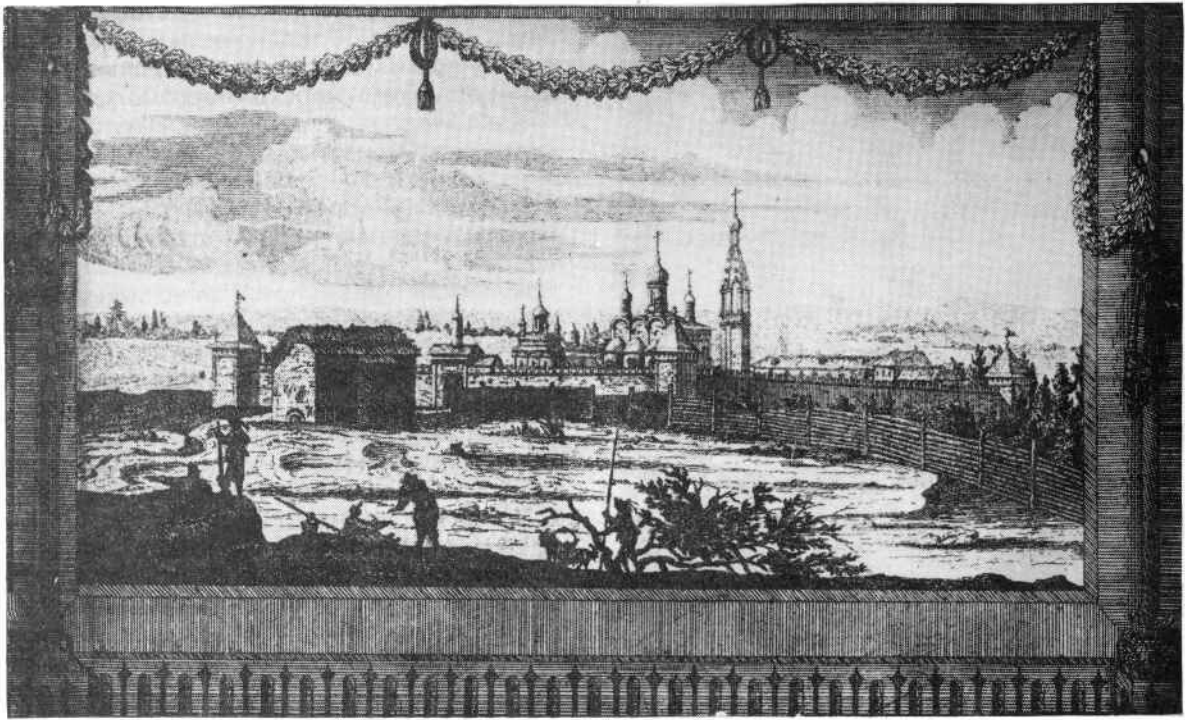
Таким образом, на протяжении XIII-XVII вв. в Москве существовало около 50 монастырей. В градостроительно-планировочном отношении они образовывали довольно четко выраженную систему: кремлевское ядро с китайгородским продолжением, полукольцо монастырей у стен Белого города, затем кольцо, приблизительно соответствующее конфигурации стен Земляного города и, наконец, монастыри-сторожи, располагающиеся с приступной южной стороны.

В XVIII в. количество московских монастырей не увеличилось, а сократилось в результате секуляризации церковных имуществ и закрытия ряда небогатых обителей. Храмы упраздненных монастырей — Георгиевского на Дмитровке, Варсонофьевского, Моисеевского, — превратили в приходские церкви.

В XIX в. Москва сильно разрослась за счет промышленных окраин. Немногочисленные монастыри, основанные в это время, нашли себе место вдали от городского центра. Алексеевский монастырь XVI в. перенесли от Пречистенских ворот Белого города в связи со строительством храма Христа Спасителя в Красное село. Появились два единоверческих монастыря для старообрядцев, примкнувших к официальной церкви — Всехсвятский за Рогожской заставой и Никольский за Преображенской заставой. Последним монастырем, возникшим в древней столице, стал Скорбященский, открытый в 1890 г. недалеко от Бутырской заставы.

Вернувшись к “золотому веку” московских монастырей — эпохе средневековья, — следует отметить их активную роль в формировании облика города. Они располагались почти на всех главных улицах; многие обители были достаточно развитыми в архитектурном отношении, с несколькими церквями, колокольней, кельями, хозяйственными постройками, оградой. Монастырь выглядел как бы городом в городе; относительно пригородных московских обителей эту особенность отметил Сигизмунд Герберштейн, писавший: “Недалеко от города есть несколько монастырей, из коих каждый даже порознь, если смотреть издали, кажется городом”¹⁶. Город, изобиловавший монастырями, в градостроительном отношении обладал повышенным масштабом: контраст подобного городскому организму, но несравненно меньшего по размерам монастыря и окружающего его города подчеркивал значительность последнего.

Велико было значение монастырей в сложении планировки и композиции столицы. Они обычно или вставали на важных дорогах, или же сами становились центрами, вызывающими появление новых дорог. Тяготение монашеских обителей к дорогам объяснялось функциональными причинами (удобство подвоза припасов, подхода богомольцев). При этом монастыри намеренно выделялись из окружающей застройки, выдвигая на улицу часовни или колокольни. Показательно, что в монастырях древней Руси надвратные колокольни встречаются только в городских обителях и явно служат своего рода опознава-

Новоспасский монастырь. Гравюра П.Пикара. Начало XVIII в.

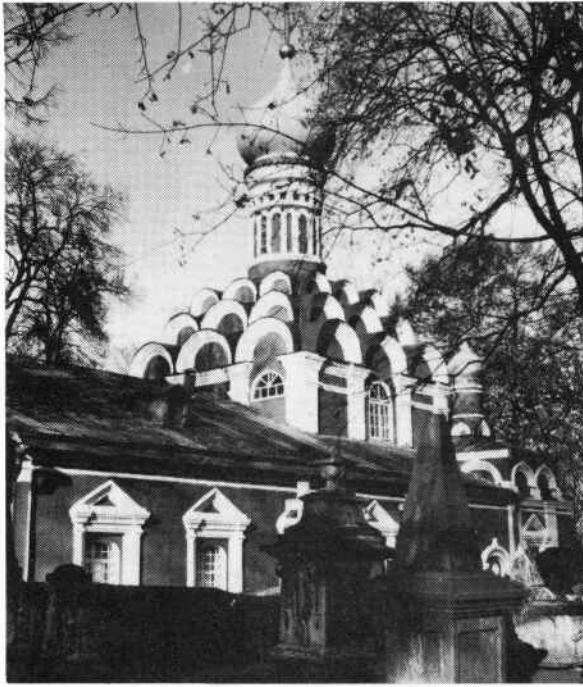
тельным знаком монастырского ансамбля. В Страстном монастыре, например, в кон. XVII в. высокая колокольня над Святыми воротами имела зеленую черепичную главу с "травчатым" просечным позолоченным крестом — таким же, как и кресты собора, виднеющиеся на втором плане¹⁷. Тем самым собор зрительно как бы выводился вперед и, поддержанный завершением колокольни, более энергично воздействовал на прилегающее городское пространство. В ранний период (XIV-XV вв.) московские монастыри выделялись благодаря наличию в них каменных храмов. В XIV в. они стояли в Спасском монастыре в Кремле и, как показали последние исследования, в Богоявленском за Торгом¹⁸, в XV в. к ним добавились соборы Спасо-Андроникова, Златоустовского, Крестовоздвиженского, Спасо-Чигасского, кремлевских Богоявленского, Чудова и Вознесенского монастырей, а также Симонова и Новоспасского, причем в Андроникове, Симонове и Чудове монастырях появились и каменные трапезные. В более позднее время монастырским соборам иногда придавался своеобразный облик, привлекавший к ним особое внимание — например, трехшатровый собор Алексеевского монастыря в Чертолье, хорошо видный на многих панорамах Москвы. Местоположение ряда обителей на возвышенностях (Высокопетровский, Новоспасский, Симонов, Покровский в Садах, Покровский на Лыщиковой горе и др.) также способствовало выделению их из рядовой застройки.

Монастыри не только выделялись из городского окружения, но и связывались с ним, с центром города и друг с другом. Само размещение монастыря среди городской застройки уже способствовало единству градостроительной среды. Монастырские храмы соотносились с приходс-

кими церквами, ограды небольших монастырей практически не отличались от оград соседних усадеб, а кельи с хозяйственными постройками — от домов горожан с амбарами и сараями. Каменные ограды монастырей, стоявших у стен Белого города, непосредственно сопоставлялись с городскими укреплениями; стройный шатер Сергиевской церкви кремлевского Богоявленского монастыря вначале контрастировал с мощными кремлевскими башнями, а затем ему стали вторить шатровые надстройки XVII в.

Связь монастырей с центром города и друг с другом могла быть статичной, ограниченной чисто визуальным аспектом восприятия. Такую связь между Новоспасским монастырем и городом отметил архидиакон Павел Алеппский, указав, что в монастыре "есть просторные, веселые помещения с видом на город и реку... монастырь... виднеется из города, как голубь, ибо весь выбелен известью"¹⁹. Но существовали и динамичные связи, реализовавшиеся в процессе движения по улицам города или по реке. Последний случай — восприятие монастырских ансамблей с реки — был немаловажен для Москвы с ее многочисленными водными артериями. Андреевский монастырь в Пленицах, Новодевичья обитель с юго-запада, Симонов и Новоспасский монастыри с юго-востока нанизывались на ленту Москвы-реки, подготавливая появление городской застройки и ее кульминация — ансамбля Кремля.

В некоторых случаях динамические связи между объектами становились устойчивыми и наглядными, воплощаясь в различных торжественных шествиях: крестных ходах, царских выходах, выездах патриарха и пр. На определенные праздники из Успенского собора Кремля отправлялась пышная процессия, возглавляемая патриархом и царем; участники крестного хода несли кресты, чудотворные иконы, хоругви, выносные фонари под колокольный звон и пение певчих дьяков.

Старый собор Донского монастыря. 1591-1593

Такие ходы предусматривались к Сретенскому и Знаменскому монастырям, к Ильинскому за Ветошным рядом, в Вознесенский и Богоявленский кремлевские монастыри. Дважды в год, на первой неделе Петровского поста и на Ильин день ходили с крестным ходом вокруг стен Белого города, причем крестный ход на Петровки выглядел особенно репрезентативным: в нем принимало участие духовенство различных церквей и монастырей с образами своих храмов. Ход направлялся через Тайницкие ворота Кремля к Алексеевской башне Белого города, близ которой стоял Алексеевский монастырь, затем к церкви Ильи Обыденного и мимо Арбатских ворот к Тверским, где был расположен Страстной монастырь. Далее в маршрут включались Петровские ворота (Высокопетровский монастырь) и Сретенская обитель, откуда шествие возвращалось на Красную площадь²⁰. Таким образом, монастыри белгородского полукольца объединялись не только планировочно, но и процессуально, в контексте единого сакрального действия. Крестные ходы могли направляться не только из Успенского собора, но и из одних монастырей в другие: так, в Семик и на Покров, когда разрешалось погребать умерших на Убогих домах, в Покровский Убожedomский монастырь был крестный ход из Андроникова, Данилова, Покровского (Лыщикова) и Сретенского монастырей.

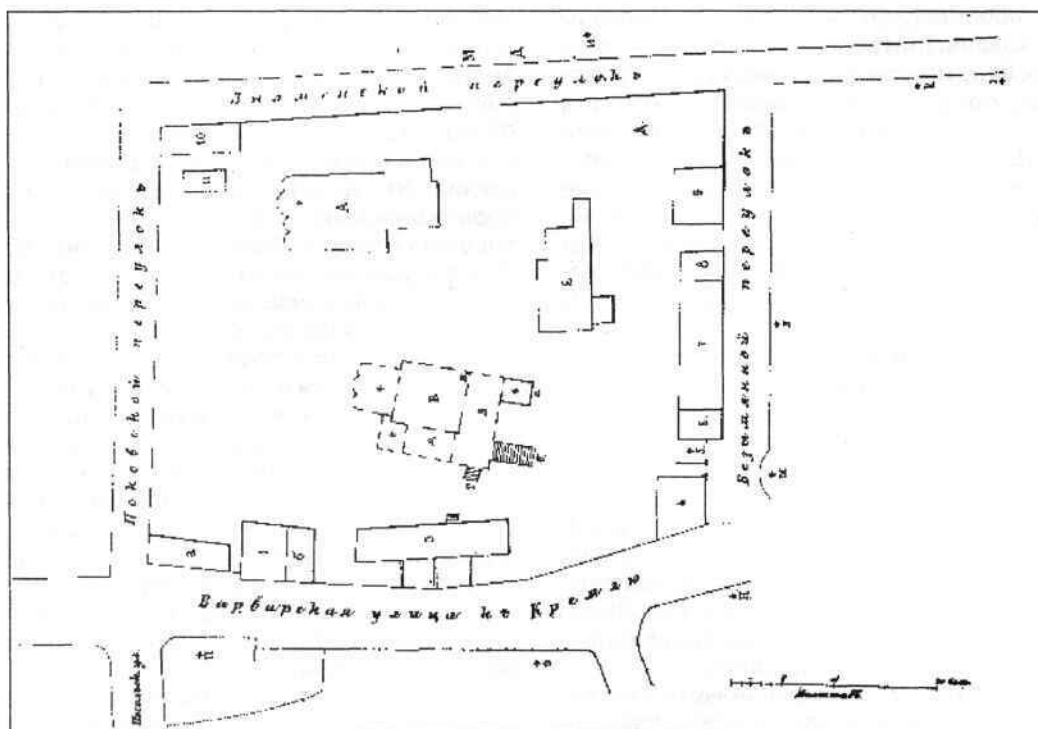
Более частыми, чем крестные ходы, были выезды царя в монастыри на богомолье. Эти выезды также проходили торжественно, под колокольный звон, были пышно обставлены и выглядели своеобразным театрализованным зрелищем, привлекавшим большое число зрителей: само «присутствие государя (в монастыре. — И.Б.-Д.) обращалось в пышное торжество придворное и народное»²¹. Государевы выезды не были так стро-

го регламентированы, как крестные ходы, но и здесь выделялись предпочитаемые монастыри и даже цепочки монастырей, служивших излюбленными объектами царского богомолья.

Особым почитанием Романовых пользовались фамильные монастыри, и в первую очередь Новоспасский. В Преображенском соборе находились гробницы рода Романовых; Знаменскую церковь возвели над гробами дядей Михаила Федоровича, ставших жертвами Бориса Годунова. Покровский храм напоминал не только об отражении поляков в 1618 г., но и о смерти патриарха Филарета, случившейся на Покров в 1633 г.; церковь св. Саввы Освященного в колокольне получила посвящение в память освобождения патриарха из польского плена, пришедшегося на день празднования этому святому (к тому же еще само арабское слово «сави» означало плен)²². Цари регулярно ходили на гробы родичей «к Спасу на Новое к вечерней панихиде»²³. Иногда к Новоспасскому монастырю добавлялся Знаменский, основанный на старом дворе бояр Романовых, где в Знаменском храме находилась семейная святыня Романовых — икона Знамения Богоматери: «1634 г. февраля в 14 день ходил Государь к Черниговским чудотворцам, к Спасу на Новом да в Знаменский монастырь»²⁴. В кремлевском Вознесенском монастыре цари бывали на дни памяти погребенных там родственниц, в сырную и светлую седмицу просили прощения у родителей, на пасху клали на их гробы красные яйца²⁵.

Целью царских выходов бывали и монастыри, где имелись престолы святых, тезоименитых членам царского семейства. Михаил Романов посещал церковь св. Михаила Малеина в Вознесенском кремлевском монастыре, Алексей Михайлович ходил в церковь преп. Марии Египетской в Сретенском монастыре на именины своей первой супруги Марии Ильиничны Милославской и в Алексеевский монастырь на свое собственное тезоименитство; ему сопутствовал патриарх, раздававший по дороге милостыню. Направляясь на богомолье в свой любимый Саввин-Сторожевский монастырь, царь также сначала посещал Алексеевскую обитель, затем Зачатьевскую, затем Новодевичий монастырь. Таким образом оформилась цепочка из четырех монастырей, связанных движением царского поезда. Интересно, что Алексей Михайлович повелел перенести схиму Саввы Сторожевского из-под Звенигорода в Зачатьевский монастырь, а сестры царя вышли новую схиму, пожертвованную в Звенигород²⁶. Так символически соединились разные пункты царского богомолья.

Упомянутые московские монастыри могут также служить примером еще одного немаловажного вида общности между монастырскими комплексами — общности исторической. Зачатьевский монастырь, первоначально называвшийся Алексеевским, был основан около 1360 г. по благословению митрополита Алексия. В 1514 г. здесь встал каменный алевизовский храм, посвященный Спасу Преображению и св. Алексию человеку Божию. Однако в пожар 1547 г. монастырь сгорел дотла и был перенесен в Чертолье, к будущим воротам Белого города. Каменный собор там построили в первой трети XVII в.²⁷. Старая мона-

План Знаменского монастыря на конец XVII в.
 А - Старая церковь Знамения Богоматери; Б - Новый Знаменский собор

стырская территория оставалась в запустении до кон. XVI в., когда Феодор Иоаннович повелел вновь устроить там монастырь с Зачатьевским собором и Рождественской трапезной церковью; при последней имелся Алексеевский придел²⁸. Одинаковое посвящение шатрового храма Алексеевского монастыря и придела в Зачатьевском монастыре выявляло историческую общность судьбы этих обителей и давало основание продлить цепочку через Успенский собор Кремля (где почивали мощи митрополита Алексия) к Богоявленскому монастырю за торгом: митрополит, по некоторым вариантам его жития, был постриженником этого монастыря, там покоился прах его отца, и по этому поводу один из приделов Богоявленского собора также посвятили св. Алексию человеку Божию.

В середине XVII в. эта цепочка выглядела чрезвычайно эффектно: она начиналась небольшим древним собором Богоявленской обители, подхватывалась огромным пятиглавым кремлевским собором, затем в нее включался трехшатровый храм Алексеевского монастыря с многочисленными сопутствующими ему постройками. Зачатьевская обитель с типичным для архитектуры XVII в. пятиглавым собором, колокольной, надвратной церковью и трапезной давала тему монастыря уже в более развернутом варианте. Когда же старый Богоявленский собор в 1693-1696 гг. сменился новым, это обогатило начало цепочки выразительным контрастом богато декорированного, нового по композиционному типу монастырского собора и аскетичного объема Успенского храма.

Существовали и некоторые другие ритуалы, единичные или повторяющиеся, также служившие процессуальному объединению сакральных

объектов. Так, вселенские патриархи Макарий Антиохийский и Паисий Александрийский, прибывшие на Русь в 1666 г. по поводу дела патриарха Никона, выезжали в московские монастыри торжественным поездом, на санях (в том числе летом); впереди них ехали конные стрельцы, а низшие чины духовенства несли патриархии посохи²⁹. Особая церемония сопутствовала поставлению новоспасских архимандритов, которые шествовали в красных одеяниях через весь город в свой монастырь из кремлевской Крестовой палаты. Репрезентативно выглядела и процессия по поводу крещения престолонаследников, переносимых из царского дворца в собор Чудова монастыря.

Кроме крестных ходов и царских выходов, имевших в принципе центробежную направленность, существовали и шествия обратного плана. Игумены различных монастырей собирались в установленные праздники в Успенском соборе на торжественное богослужение. Так, в понедельник Святой недели "со всея Москвы ходят ко государю белые власти со образы, а из монастырей черные власти со образы ж, да и с хлебы, да и с квасы"³⁰. Имелся также обычай приносить патриарху на тот или иной праздник воду, освященную в день праздника в той церкви, где имелся соответствующий престол. В день Рождества Богоматери, например, с разных концов Москвы и даже из других городов к Кремлю стекалось духовенство из Рождественских храмов. Эти скромные шествия, конечно, не могли сравниться с пышными выездами царя или патриарха, но и они привлекали к себе внимание и наглядно реализовывали связи различных церквей и монастырей с городским центром.

Монастыри могли включаться и в ритуал торжественных встреч и проводов ("отпусков"). У Сретенского монастыря, основанного по поводу встречи иконы Владимирской Богоматери в 1395 г. при нашествии Тамерлана, митрополит

Макарий с собором встречал Ивана Грозного из похода на Казань. Митрополит отслужил в монастыре молебен, и царь, облачившись, двинулся с крестным ходом в соборы Кремля. В 1613 г. у того же монастыря встречали Михаила Романава, а в 1619 г. провожали игумена Сретенского монастыря в Польшу за находившимся там в плену патриархом Филаретом³¹. Страстной монастырь также был учрежден на месте сретения иконы Богоматери Страстной в 1646 г. царем, патриархом и наследником престола, а через пять лет у этого монастыря встречали мощи патриарха Иова, переносимые из Старицы³².

Впечатляющие процессии, двигавшиеся к монастырям или от монастырей, выявляли их градостроительную связь с кремлевским ансамблем и даже как бы корректировали ее. Если Тверская, Сретенская, улицы Замоскворечья действительно ориентировались на Кремль, то в перспективе, например, Рождественки Кремль не был виден. Торжественное же шествие, направлявшееся в Кремль, как бы прошивало городскую ткань, скрепляя своей траекторией удаленные и не соотносящиеся впрямую объекты.

Связи монастыря с городом значительно актуализировались, если монастырь обладал чтимыми святынями: чудотворными иконами, мощами, гробницами святых. Удаленный от Москвы Новодевичий монастырь благодаря чтимой иконе Смоленской Богоматери был включен в число царских богомолий, на храмовый праздник в нем служил патриарх³³, а вокруг монастыря учредили крестный ход. Икона Одигитрии работы Дионисия, хранившаяся в кремлевском Вознесенском монастыре, поднималась в крестные ходы дважды в год, а в остальные праздники, когда участники крестного хода двигались мимо монастыря, архимандрит выносил ее для каждения и поклонения³⁴. Обязательная остановка у ворот Вознесенского монастыря включала его в любое шествие, повышая его ранг и значение в структуре города. Нахождение в Успенском соборе среди прочих реликвий главы св. Иоанна Златоуста в серебряном ковчеге укрепляло семантическую связь между собором и Златоустовским монастырем, а Страстной монастырь мыслился связанным с церковью Зачатия прав. Анны, что в Углу, так как в них находились списки с одного и того же образа Страстной Богоматери.

Некоторые монастыри были связаны между собой административно. Мелкие монастыри приписывались к крупным, дочерние — к главным обителям. Чаще всего это предпринималось в финансовых целях. Так, московский Покровский Убожеский монастырь был приписан вначале к Николо-Греческому монастырю (с 1667), а затем к Заиконоспасскому; к Заиконоспасской же обители приписали и Андреевский монастырь в Пленицах для материального обеспечения Славяно-греко-латинской академии. Управление приписными монастырями осуществлялось централизованно. Между ними устанавливались тесные хозяйственные контакты, в результате чего даже удаленные друг от друга обители существовали и мыслились в некоем единстве.

Необходимо упомянуть и о том типе связей между монастырями, который обуславливался единством выполняемых ими функций. Так, в

Москве в XVII в. было четыре «убожеских» монастыря — Андроников, Варсонофьевский, Андреевский и Покровский. Территориально все они находились достаточно далеко друг от друга, но в одни и те же дни монахи этих обителей выходили отпевать и погребать умерших без покаяния. Это действие, как говорилось выше, сопровождалось крестным ходом из других монастырей и вызывало большое стечение народа, что хотя бы умозрительно объединяло эти обители.

Некоторые монастыри или монастырские храмы возникали по поводу одних и тех же исторических событий. Например, в память отражения войск Казы-Гирея в 1591 г. на месте стоянки русского войска основали Донской монастырь, а в Симоновом монастыре возвели надвратную церковь Происхождения Честных и Животворящих Древ Креста Господня. Смысл этого праздника, установленного на Руси Андреем Боголюбским в память двойной победы — Андрея над волжскими болгарами и византийского императора Мануила над персами, — заключался в вознесении благодарности Кресту Христову за победу православного оружия.

Монастыри и церкви могли объединяться и по посвящению, хотя этот момент не следует преувеличивать. Как уже говорилось выше, из одних храмов к патриарху на храмовый праздник посылали освященную воду, так что идея объединения по посвящению реализовывалась вполне наглядно. Несомненно, объединялись в восприятии собор Знаменского монастыря и Знаменская церковь в Новоспасской обители, поскольку оба храма возвели в честь фамильной иконы Романовых. Интересный случай связи по посвящению описан И.М.Снегиревым применительно к середине XVII в. В это время в городе имелось три монастыря, в обиходе называвшихся Спасскими: Новоспасский с собором Спаса Преображения, Спасо-Андроников с собором Спаса Нерукотворного и Спасо-Симонов с церковью Происхождения Древ Креста. Эти три праздника издавна объединялись в народном сознании как «три Спаса»: медовый (1 августа), яблочный (6 августа) и холщовый или ореховый (16 августа). Соответственно первые три недели августа назывались «Спасовками». Каждому празднику придавались особые запоминающиеся обряды — освящение меда на Происхождение Древ Креста, яблочек — на Преображение, продажа холста на Спаса Нерукотворного. Именно такой набор местных образов — Преображение, Спас Нерукотворный или Спас на убрусе (полотенце, полотне), а также Происхождение Древ Креста — Алексей Михайлович пожертвовал в собор Новоспасского монастыря. Это необычное для местного ряда иконостаса, не имеющее аналогий сочетание позволило И.М.Снегиреву заключить, что «иконы Происхождения честных древ и Нерукотворного образа указывают на храмы древних обителей, соседственных с Новоспасским, Спасо-Симоновой и Спасо-Андрониковой»³⁵. Эти обители напоминали друг друга и по местоположению (на юге и юго-востоке от Москвы, на высоких речных берегах), и по внешнему виду: все они были достаточно развитыми, хорошо укрепленными, имели каменные соборы и преимущественно каменную остальную застройку.

Межу монастырями могли устанавливаться и нестабильные, случайные и легко забываемые связи, когда строитель одного монастыря, например, переходил на игуменство в другой, или когда из обители в обитель поступали какие-либо предметы. Скажем, в Златоустовском монастыре находился крест с мощами, вложенными старицей Анисьей из Никитского монастыря³⁶, а в Никитском монастыре — служебная миная из Ивановского монастыря на Кулишках³⁷. Тем не менее и такие окказиональные связи иногда становились традиционными, если штаты одного монастыря более или менее постоянно пополнялись за счет другого. Это могло сказаться и на архитектурном сходстве отдельных монастырских зданий.

Иногда можно констатировать наличие чисто архитектурной связи построек различных монастырей. В подрядной на строительство папертей собора Донского монастыря прямо указывалось, что паперть и лестницы должны быть сделаны "против (т.е. по подобию. — И.Б.-Д.) Симоновских и Девича монастыря лестниц"³⁸. Трапезная церковь Высокопетровского монастыря и по посвящению, и по архитектурному облику повторяет трапезный храм Троице-Сергиевой лавры, поскольку была возведена в память о спасении Петра I в Троицкой обители осенью 1689 г.³⁹. Сходство бросалось в глаза еще более, пока не были достроены четыре боковые главы на трапезном храме Петровского монастыря.

Итак, среда средневекового города была пронизана бесчисленным количеством связей — градостроительных, композиционных, исторических, символических, стабильных и неустойчивых, закономерных и случайных. Сакральные объекты в этой системе не существовали изолированно, но обладали неким семантическим полем, которое прекрасно ощущалось современниками. Пределы этого поля не обязательно совпадали с городскими границами. Показательно, что на известной, имеющей разные варианты гравюре с изображением Кремля и московских монастырей показаны в том числе достаточно удаленные, никак не городские обители — Троице-Сергиева, Воскресенская в Новом Иерусалиме.

Живая связь с дальними монастырями поддерживалась через подворья — представительства этих монастырей в городе. Тот же Троице-Сергиев монастырь имел свое подворье в самом сердце столицы — у Троицких ворот Кремля, а у Спасских ворот располагалось подворье Кирилло-Белозерской обители. Саввин-Сторожевский монастырь имел постоянное представительство на Тверской — Воскресенский Высокий монастырь, собор которого имел придел преп. Саввы Сторожевского, а в соборе находились четыре образа этого святого. Пятый образ входил в состав деисусного чина в монастырской часовне, где Христу, кроме Богоматери и Предтечи, предстояли преп.Сергий Радонежский и Савва Сторожевский⁴⁰.

В свою очередь, московские монастыри имели приписные обители и подворья в других городах, а иногда исторически были связаны с дальними монастырями. Так, преп. Кирилл Белозерский был постриженником Симонова монастыря, и во второй пол. XVII в. в Новом Симонове суще-

ствовала деревянная церковь в память северного подвижника⁴¹. К удаленным географически пунктам могли апеллировать и монастырские святыни. И.М.Снегирев объяснял появление в местном ряду иконостаса собора Новоспасского монастыря образов Успения Богоматери и св.Софии Премудрости Божией воспоминанием о главных храмах древних столиц Руси (Киева, Новгорода и Владимира)⁴². Икона Одигитрии Смоленской была палладиумом своего города, и основанный в ее честь Новодевичий монастырь сохранял связи с западной окраиной: в Смутное время в этой обители стояли смоленские полки⁴³. А образ Страстной Богоматери — семейная святыня Романовых, главная реликвия Страстного монастыря, — согласно преданию, был копией образа, находящегося в Риме⁴⁴. Таким образом, московский монастырь на Тверской дороге оказался связанным с "Вечным городом", равно как и с концепцией "Москва — третий Рим".

Московские монастыри имеют длительную историю существования. Естественно, на разных ее этапах положение и роль каждого монастыря, а следовательно, и способы включения его в структуру города в той или иной степени изменялись. Китайгородский Богоявленский монастырь, основанный за городом, оказался расположенным в гуще торговых рядов; одноименный ему кремлевский Богоявленский монастырь утратил самостоятельность, обратившись в Троицкое подворье. Спасский монастырь на Бору был выведен из Кремля и поставлен на берегу Москвы-реки далеко за городом под именем Новоспасского; часть древних обителей исчезла с лица земли, а на новых местах основали новые монастыри и храмы. Но тем не менее монастырские ансамбли служили узловыми точками как композиционной, так и семантической структуры древнего города. Их значение для Москвы наглядным образом проявилось в топонимике столицы. Никольская, Ильинка, Воздвиженка, Никитская, Петровка, Рождественка — все эти главные улицы Москвы получили название по стоящим на них монастырям. В церковно-административном отношении Москвы с XVII в. делилась на шесть сороков, из которых четыре были названы по монашеским обителям: Сретенский, Никитский, Ивановский и Пречистенский (по Новодевичьему монастырю). Московские монастыри надо рассматривать как особую систему, все элементы которой связаны между собой и с различными элементами городской структуры, поскольку это соответствует особенностям средневекового мышления и реальной картине градостроительного развития и осмысления Москвы.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Никольский Н.К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до 2-й четверти XVII века. — СПб., 1897. — Т. 1. — С. 10.

² Цит. по: Серебрянский Н.И. Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле // ЧОИДР, 1908. — Ч. 3. — С. 52.

³ Стоглав. Казань, 1889.

⁴ Снегирев И.М. Покровский монастырь, что на Убогих домах, в Москве. // Русские достопамятности. — М., 1877. — Т. 1.

⁵ Коронационный сборник. Министерство Имп. Двора. Под ред. В.С.Кривенко. Сост. Н.Оприч, Е.Барсов, Г.Франк и др. — СПб., 1899. — Т. 1.

⁶ Дедушенко Б.П. К истории ансамбля московского Высоко-Петровского монастыря // Древнерусское искусство. XVII век. — М., 1964. — С. 259.

⁷ Сергей (Спасский). Историческое описание Московского Знаменского монастыря, что на старом государевом дворе. — М., 1866. Приложение. — С. 18.

⁸ Розанов Н.П. Воскресенский Высокий монастырь в Москве // Русские достопамятности. — М., 1883. — Т. 4. — С. 137.

⁹ Нил Сорский. Предание и устав. Со вступ. ст. М.С.Боровковой-Майковой. — СПб., 1912. — С. 12-13.

¹⁰ Кучкин В.А. О дате основания московского Данилова монастыря // Вопросы истории, № 7, 1990. — С. 164-166. См. также: Беляев Л.А. Древние монастыри Москвы по данным археологии. — М., 1994. — С. 109-110.

¹¹ Сытин П.В. История планировки и застройки Москвы. — М., 1950. — Т. 1. — С. 28. Л.А.Беляев в вышеуказанной работе не подтверждает, но и не отрицает возможности основания монастыря князем Даниилом.

¹² Саввин монастырь упоминается в 1454 г. как уже существующий, а Спасский — как основанный в 1330 г.

¹³ Слово о гибели Русской земли. Подг. текста, пер. и ком. Л.А.Дмитриева // Памятники литературы Древней Руси. XIII век. — М., 1981. — С. 131.

¹⁴ Сытин П.В. Указ. соч. — С. 33-34. О расположении московских монастырей см. также: Беляев Л.А. Указ. соч. — С. 212-220. К сожалению к моменту написания настоящей статьи труд Л.А.Беляева еще не был опубликован, что не позволило нам использовать это ценное исследование в полной мере.

¹⁵ Возможно, в данном случае монастырем была названа не монашеская обитель, а огороженный участок при приходском храме (мнение О.П.Щенковой).

¹⁶ Герберштейн С. Записки о московитских делах. Ред. и пер. А.И.Малеина. — СПб., 1908.

¹⁷ Токмаков И.Ф. Историко-статистическое и археологическое описание Московского Страстного девичьего монастыря. — М., 1897. — С. 118-119.

¹⁸ Беляев Л.А. "Богоявление каменное". Архитектурно-археологические исследования в соборе Богоявленского монастыря в Китай-городе // Реставрация и архитектурная археология. Новые материалы и исследования. — М., 1991. — С. 36-55.

¹⁹ Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII столетия, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским. Изд. Г.Муркос. — М., 1898. — Вып. 4. — С. 122.

²⁰ Устав церковных обрядов, совершавшихся в московском Успенском соборе около 1634 г. // Русская историческая библиотека, издаваемая Археологической комиссией. — СПб., 1867. — Т.3.

²¹ Токмаков И.Ф. Историческое и археологическое описание Московского Алексеевского девичьего монастыря. — М., 1889. — С. 18.

²² Дмитриев И.Д. Московский первоклассный Новоспасский ставропигиальный монастырь в его прошлом и настоящем. Историко-археологический очерк. — М., 1909.

²³ Строев П.М. Выходы государей царей и великих князей, Михаила Феодоровича, Алексея Михайловича, Феодора Алексеевича, всея России самодержцев (с 1632 по 1682 год). — М., 1844. — С. 8.

²⁴ Там же. — С. 27.

²⁵ Пшеничников Ал. Краткое историческое описание первоклассного Вознесенского девичьего монастыря в Москве. — М., 1894. — С. 11.

²⁶ Смирнов Л. Историческое описание московского Зачатьевского девичьего монастыря. — М., 1884. — С. 25.

²⁷ Токмаков И.Ф. Историческое и археологическое описание... Алексеевского девичьего монастыря. — С. 14.

²⁸ Смирнов Л. Указ. соч. — С. 16.

²⁹ Снегирев И.М. Новоспасский монастырь в Москве // Русские достопамятности. — М., 1883. Т. 4. — С. 82.

³⁰ Устав церковных обрядов, совершавшихся в московском Успенском... // Русская историческая библиотека, издаваемая Археологической комиссией. — СПб., 1867. — Т.3. — С. 134-135.

³¹ Серафим, архим. Московский Сретенский монастырь.

С ист. оч. И.Ф.Токмакова. — М., 1885. — С. 6-8.

³² Токмаков И.Ф. Историко-статистическое... описание... Страстного девичьего монастыря. — С. 8 сл.

³³ Антушев Н. Историческое описание Московского Новодевичьего монастыря. — М., 1885. — С. 19-20.

³⁴ Пшеничников Ал. Указ. соч. — С. 17.

³⁵ Снегирев И.М. Новоспасский монастырь... — С. 31.

³⁶ Григорий, архим. Московский Златоустовский монастырь // Русские достопамятности. — М., 1880. Т. 3. — С. 13.

³⁷ Михайлов К.Н. Никитский женский монастырь в Москве. — СПб., 1901.

³⁸ Забелин И.Е. Историческое описание московского Донского ставропигиального монастыря. — М., 1893. — С. 146.

³⁹ Григорий, архим. Высокопетровский монастырь в Москве // Русские достопамятности. — М., 1880. — Т.3 — С. 32.

⁴⁰ Розанов Н.П. Указ. соч. — С. 154.

⁴¹ Снегирев И.М. Церковь Рождества на Старом Симонове // Русские достопамятности. — М., 1877. — Т. 2. — С. 9.

⁴² Снегирев И.М. Новоспасский монастырь... — С. 31.

⁴³ Антушев Н. Указ. соч. — С. 14.

⁴⁴ Токмаков И.Ф. Историческое ... описание... Страстного девичьего монастыря.